

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЕ: анархисты Московского региона в середине 1920–1930-х годах

Как показывают данные обзоров Информационного отдела ОГПУ и публикации документов и работы исследователей, в 1923–1925 гг. анархистское движение в Москве, Ленинграде, Ярославле, Харькове и других городах СССР переживало подъем, остановленный массовыми арестами 1924–1926 гг.¹ Период 1926–1934 гг. стал временем постепенного спада и гибели движения в результате репрессий. Решающую роль сыграли аресты 1929–1931 гг., положившие конец анархистскому движению в Москве.

Деятельность анархистов Московского региона в середине 1920–1930-х гг. отразилась преимущественно в материалах следственных дел московских анархистов В.В. Бармаша, Ф.Ю. Гецци, Н.И. Варшавского, М.В. Петросовой²; воспоминаниях и переписке участников анархистского движения³. При подготовке статьи использовались и опубликованные документы: обзоры Информационного отдела ОГПУ и материалы следственных дел «анархо-мистиков»⁴, а также исследования⁵.

В 1920-х гг. Москва была одним из центров анархистской активности именно потому, что здесь еще оставались легальные организации, объединявшие движение, создававшие хоть какие-то условия для привлечения новых сторонников. Лишь в 1926 г. прекратили деятельность Секретариат Всероссийской федерации анархистов (ВФА) и Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК)⁶, в 1929 г. – издательский и книготорговый кооператив «Голос труда» (в 1927 г. перестали выходить книги, хотя продолжал работать книжный магазин)⁷, в 1930 г. – Анархическая секция Музея П.А. Кропоткина⁸. Такие же тенденции сохранялись в Московской губ., где еще в апреле 1926 г. обзоры ОГПУ фиксировали проводимую «совершенно открыто» пропагандистскую работу Можайской группы анархистов, насчитывавшей до 40 участников⁹. В 1920-х гг. даже в анкетах по месту работы и учебы люди еще открыто называли себя анархистами. Так, например, Варшавский установил связь с анархистами Москвы через свою сотрудницу Петросову, в 1927 г. узнавшую о его анархистских взглядах из документов о приеме на работу. Даже на следствии в начале 1930-х гг. многие открыто излагали свои анархистские взгляды¹⁰.

Группы, имевшие легальный статус, вели и подпольную работу. Так, согласно обзору Информотдела ОГПУ за февраль 1925 г., со стороны легального секретариата ВФА наблюдалось «стремление реорганизовать работу, углубив ее в подполье»¹¹. И действительно, в это время активно действовали созданные лидерами ВФА и ВФАК (А.А. Карелиным, А.А. Солоновичем, Н.И. Проферансовым, Н.К. Богомоловым) подпольные структуры – кружки «анархо-мистиков», организованные по системе эзотерических орденов и ориентированные на работу среди студенчества и богемной интеллигенции. Во второй половине 1920-х гг. члены этих кружков рекрутировались посредством личных знакомств, а также системы лекториев, организуемых анархо-мистиками при МВТУ им. Н.Э. Баумана, Музее П.А. Кропоткина и других образовательных и культурных учреждениях¹². Так, в 1929 г. при Музее П.А. Кропоткина работал состоявшийся из студентов 2-го МГУ библиографический кружок по изучению анархизма во главе с Н.Р. Лангом. Официально его целью было описание книг библиотеки музея, фактически – изучение теории анархизма. При обсуждении докладов, посвященных воззрениям М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого, М. Штирнера, на собраниях кружка прорабатывались различные аспекты теории анархизма. В числе дискутируемых вопросов были история махновского движения и проблемы, связанные с социально-эко-

* Рублёв Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета природообустройства.

номической и политической ситуацией в СССР. От штудий кружок попытался перейти к пропаганде – его участники, ожидавшие выступлений крестьян, недовольных социально-экономическими мерами большевиков, начали составлять листовку с критикой политики руководства ВКП(б)¹³.

Репрессии вынуждали известных властям анархистов идти на формальные компромиссы, чтобы создавать новые островки легальной работы, сохраняя при этом видимость интеграции в рамки официальных кампаний режима¹⁴. Наиболее яркий пример деятельности такого рода – попытка участия в поддерживаемой властями кампании в защиту Н. Сакко и Б. Ванцетти, анархистов, приговоренных к смертной казни в США. В августе 1927 г. московские анархисты сформировали «бюро по защите» Сакко и Ванцетти, секретарем которого стал Бармаш. Бюро организовало отправку телеграмм протеста за границу, в США, пыталось добиться в Административном отделе Моссовета разрешения на легальный митинг. Запрет легальной акции привел ее инициаторов к подпольной деятельности. В начале августа 1927 г. член бюро Варшавский напечатал и пытался нелегально распространять листовку с призывом к борьбе за освобождение политзаключенных в СССР, созданию независимых профсоюзов и борьбе за уничтожение государства. Всего следствию стало известно о 10 экземплярах этой листовки. По крайней мере 1 экземпляр был переправлен в Париж, в редакцию журнала русских эмигрантов анархистов «Дело труда»¹⁵.

По версии Информотдела ОГПУ, «бюро по защите» пыталось объединить оставшихся на свободе сторонников анархизма¹⁶. Действительно, на его основе в 1927–1928 гг. сложилась влиятельная законспирированная группа московских анархистов, объединявшая до 20 человек (В.В. Бармаш, Н.И. Рогдаев, А.А. Боровой, И.В. Хархардин, В.С. Худoley, М.И. Иловайский, Г.А. Мудров, Н.Г. Булычев, Петросова, Е.И. Дарюшин, К.Н. Медынцев, Н.П. Гаврилин, В.А. Михайлов, Н.И. Озеров, А.П. Чимбарев, Р.М. Чимбарева, Т. Бондаренко, до 1929 г. – Ф. Гецци, А.Н. Андреев и З.Б. Гандлевская). В то же время эта группа не отказывалась от попыток продолжить и легальную работу. Ее лидеры Бармаш, Рогдаев и Боровой планировали преобразовать Музей П.А. Кропоткина в общедоступный клуб анархистской пропаганды. Лишь после изгнания из Музея летом 1928 г. в результате конфликта с анархо-мистиками группа Бармаша начала подготовку к созданию подпольной анархистской партии, разработала ее программу на основе «платформистских» идей П.А. Аршинова и Н.И. Махно. Собрания группы, в том числе занятия по типу теоретических семинаров с чтением и обсуждением докладов, переместились на частные квартиры, которые до поры до времени ОГПУ не могло контролировать¹⁷.

На усиление репрессий в 1925–1931 гг. анархисты пытались отвечать активизацией подпольной деятельности. В марте 1925 г. репрессивно-следственными органами фиксировалась работа по организации подпольных студенческих групп анархо-мистиков¹⁸; в февралю 1926 г. – возникновение подпольных анархистских кружков в Московской губ.¹⁹; в марте и ноябре–декабре – нескольких подпольных групп и кружков в Москве среди студентов и учащихся, безработных и заводских рабочих²⁰. В феврале 1927 г. сотрудниками ОГПУ был обнаружен и ликвидирован анархистский кружок во 2-м МГУ²¹; в мае отмечалось создание новых кружков по изучению анархизма и подпольных групп²². В 1928 г., как уже говорилось, группа Бармаша перешла к разработке программы создания подпольной анархистской партии в СССР, что спровоцировало выход из ее состава ряда активистов (Андреев, Гандлевская, Гецци), выступавших за объединение в небольшие автономные законспирированные боевые группы²³. Наконец, в 1929 г. в Москве возникла подпольная группа во главе с А.С. Пастуховым, В.В. Кожуховым и В. Макарянцем (всего до 12 человек), имевшая связи с Челябинской группой анархистов и некоторыми ссыльными²⁴.

Одновременно анархисты пытались расширить свое влияние, продолжая антиправительственную пропаганду среди слоев населения, недовольных политикой ВКП(б). Так, в 1926–1927 гг. анархист-коммунист И.М. Никитин из Сергиева Посада вел пропаганду среди крестьян Московской губ., особый акцент делая на близком им требовании отмены налогов²⁵. В сентябре–декабре 1926 г. во время волнений безработных

(печатников и пищевиков) Красной Пресни и Замоскворечья группа анархистов возглавила их собрания, проведя резолюции со своими требованиями: обеспечение работой вместо выплаты пособия. Под влиянием анархистов был выдвинут лозунг объединения безработных Москвы и созыва их общемосковского собрания²⁶.

Издательская и информационная деятельность анархистов СССР находила поддержку за рубежом, прежде всего в среде анархистской эмиграции. В ее печатных органах (журналы «Дело труда» и «Пробуждение», издававшаяся в США русская анархистская газета «Рассвет») публиковались материалы московских анархистов – Худолея, Бармаша, Хархардина, Солоновича, Пастухова и др. В то же время анархисты СССР получали в незначительном количестве и новинки зарубежной анархистской литературы и периодики. Следственные материалы фиксируют факты обнаружения у анархистов отдельных экземпляров²⁷ (или вырезок²⁸) журнала «Дело труда», газеты «Рассвет» за 1925–1926 гг.²⁹, газеты «Der Sindikalist» – печатного органа немецкого анархо-синдикалистского профсоюзного объединения «Свободный рабочий союз Германии» (ФАУД) за 1930 г.³⁰

Связи с зарубежьем иногда поддерживались и легально. Так, живший в подмосковном Одинцове итальянский эмигрант-анархист Гецци открыто переписывался с лидерами мирового анархистского движения (Н. Лазаревичем, Д. Абад де Сантильяном, Л. Фабри и др.), до середины июня 1929 г. получал из-за границы анархистскую прессу, а также теоретические работы П.А. Аршинова, Э. Малатесты³¹. Следует, конечно, учитывать, что легальный характер связей анархистов с эмиграцией и зарубежными товарищами был выгоден и сотрудникам ОГПУ, поскольку облегчал им контроль за инакомыслящими.

Крупной акцией московских анархистов стала подготовка, нелегальная переправка за границу, а затем издание в Париже (в 1928 г.) книги А.А. Борового «Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет диктатуры пролетариата»³², написанной при участии Бармаша и Рогдаева³³ и содержащей разностороннюю критику политики ВКП(б).

Для пропаганды внутри страны подпольные анархистские группы активно использовали самиздат – теоретические материалы и листовки размножались в небольших количествах на обычных пишущих машинках³⁴. Например, книга «Большевистская диктатура в свете анархизма» до ее издания в Париже была размножена в дюжине машинописных экземпляров и распространялась в таком виде среди анархистов Москвы и Московской обл.³⁵ В самиздате выходили и другие сочинения: «Бакунин и культ Иальдо-баофа» и «Критика материализма» Солоновича, работы Малатесты, Карелина, Аршинова, Пастухова, Хархардина и др. Наряду с печатными машинками для распространения материалов использовались стеклоглафы³⁶. На территории СССР периодически появлялись и анархистские журналы, выходившие в машинописном, рукописном и гектографированном виде («Призыв», «Хлеб и воля», «Набат» и др.)³⁷. В обзорах ОГПУ за август 1926 г. говорится о распространении неким анархистом на Вербилковской фабрике Фарфортреста в Талдоме рукописного журнала с карикатурами на администрацию³⁸.

Одной из форм оппозиционной деятельности анархистов во второй половине 1920–начале 1930-х гг. стало сопротивление репрессиям властей путем выражения солидарности с заключенными и ссыльными единомышленниками. Вплоть до 1938 г. в этой области оставались некоторые легальные возможности, предоставленные правозащитной организацией Е.П. Пешковой «Помощь политическим заключенным». «Помполит» собирал информацию о местах заключения и обеспечивал политрепрессированным материальную (посылки с вещами³⁹; небольшие денежные суммы⁴⁰) и моральную (например, открытки с поздравлениями к праздникам⁴¹) помощь от иностранных и российских анархистов. В Москве действовали 2 подпольные организации «Черного креста» («анархо-мистиков» и «группы Бармаша»). Так, «Черный крест» группы Бармаша, действовавший в 1927–1929 гг., собирал средства как в СССР (в том числе среди московских рабочих, связанных с анархистами), так и за границей среди русских анархистов-эмигрантов и зарубежных анархистских организаций. Решения о распределении средств по ссыльным принимало общее собрание группы, на нем производился отчет о расходовании сумм. Квитанции немедленно сжигались. Собранные

деньги передавали в «Помполит», сотрудники которого знали о существовании «Черного креста», но принимали деньги как пожертвования для конкретных ссыльных и заключенных от частных лиц без оглашения их фамилий⁴².

Солидная материальная помощь репрессированным в СССР анархистам поступала от русской анархистской эмиграции и международного объединения (интернационала) анархо-синдикалистских профсоюзов – Международной ассоциации трудящихся (МАТ). Наиболее активны в этом отношении были созданные по инициативе российских анархистов-эмигрантов «Комитет защиты анархо-синдикализма в России», а с ноября 1926 г. – «Фонд помощи анархо-синдикалистам и анархистам в российских тюрьмах и ссылках» («Русский фонд»). Эти организации функционировали в рамках МАТ. Фонд возглавляли в разное время видные деятели международного анархистского движения (А. Беркман, Ж. Дубинский, Р. Роккер, А. Шапиро) и анархистской эмиграции России (М. Мрачный). В его работе участвовал один из наиболее влиятельных лидеров русской анархистской эмиграции В.М. Волин. Все сотрудники фонда работали безвозмездно. Как «Русский фонд», так и координирующие органы МАТ периодически инициировали массовые мероприятия (информационные конференции и собрания, митинги), призванные выразить протест против преследований анархистов в СССР, проявить солидарность с ними. «Русский фонд» издавал бюллетень, на страницах которого оглашалась информация о преследованиях анархистов в СССР. Анархо-синдикалистские профсоюзы, как например «Свободный рабочий союз Германии», брали «шефство» над политзаключенными, регулярно отправляя им посылки, пока это было возможно⁴³. Свой «Черный крест» существовал и у «анархо-мистиков», которые оказывали помощь своему лидеру А.А. Солоновичу, находившемуся в сибирской ссылке⁴⁴. Средства поступали от сторонников анархистских организаций русских эмигрантов США, близких к редакции газеты «Рассвет».

Противодействие репрессиям, безусловно, подразумевает и борьбу заключенного на следствии. Для многих анархистов распространенной формой сопротивления следствию были ссылки на вполне легальный характер своей деятельности, отсутствие в ней антисоветского содержания. Так, Чимбарева, арестованная в июне 1929 г., на допросе заявляла, что ее анархистская группа стремилась к созданию легальной партии, действующей в рамках советских законов⁴⁵. Часто предпринимались и попытки использовать внешнее сходство идей анархо-коммунизма с официальными лозунгами⁴⁶. Для части арестованных анархистов была характерна жесткая позиция в отношении следствия: они отказывались от дачи каких-либо показаний, заявляя о собственной невиновности⁴⁷. В отдельных случаях важным средством сопротивления репрессиям было обращение к отечественным или иностранным общественным деятелям. Так, после ареста А.Н. Андреева в июне 1929 г. его супруга З.Б. Гандлевская, используя как аргумент революционные заслуги мужа, написала 14 заявлений в Общество политкаторжан, Общество старых большевиков, Юридический отдел ЦК ВКП(б). К делу защиты Андреева были привлечены знавшие его как организатора «искровских кружков» в 1903 г. партийные деятели А. Шотман и Е. Ярославский. Е. Пешкова привлекала к ходатайствам в защиту Андреева и М. Горького. Сам Андреев в течение 22 суток вел голодовку. Итогом стало его освобождение и замена тюремного заключения 3-летней ссылкой⁴⁸.

В 1929–1931 гг. была организована международная кампания с требованием освобождения и отправки за границу арестованного в 1929 г. Ф. Гецци. В марте 1929 г. письменные протесты против его ареста советскому послу во Франции отправили брюссельский «Комитет права убежища» и группа деятелей культуры (Р. Роллан, Ш. Вильдрак и др.). Роллан убедил М. Горького обратиться с запросом к И.В. Сталину и Г. Ягоде. С обращениями и письмами протеста к СНК СССР и лично Сталину, требуя освобождения Гецци и его товарищей из группы Бармаша, в 1929–1930 гг. выступил Секретариат МАТ. Гецци освободили в марте 1931 г.⁴⁹

Среди арестованных анархистов были весьма популярны и пассивные формы сопротивления арестам. Первое место среди них занимали индивидуальные, реже групповые голодовки. Случались и голодовки солидарности, устраиваемые теми, кто находился на свободе, например акция Макарьянца в поддержку арестованного в Воро-

неже анархиста С.А. Рувинского в апреле 1934 г. При наличии определенного уровня неконтролируемых связей с зарубежьем, чреватых дискредитацией руководства СССР в случае смерти от голодовок, и особого режима для политзаключенных, сохранявшегося вплоть до 1937 г., эти действия имели шанс на успех⁵⁰.

С 1937 г. голодовка как метод борьбы была подорвана отменой особого режима для политзаключенных и переводом их на общий режим с уголовниками. В связи с этим усилилось применение мер физического воздействия к голодающим, и добиться успеха стало намного сложнее. Так, Андрееву и Гандлевской после ареста в декабре 1937 г. пришлось выдержать 180 дней голодовки, сопровождаемой насильственным искусственным кормлением (до 160 дней) и заключением в карцер. Результаты же их борьбы оказались скромны – получение права на свидание друг с другом, переписку с родственниками и ознакомление с приговором⁵¹. В этих условиях распространенным средством борьбы становились письменные протесты против собственного ареста или в знак солидарности с другими репрессированными. Однако далеко не все подобные акции имели общественный резонанс, даже если письменные протесты удавалось переправить за границу и опубликовать в изданиях анархистской эмиграции. Думается, что в обстановке сталинских репрессий 1930–начала 1950-х гг. письменные протесты были скорее способом сохранить самоуважение, доказав свою способность к неконформистским действиям, нежели действенным средством борьбы против самих репрессий.

Вплоть до 1937 г. случались еще и побеги из мест ссылки и заключения. Так, после ареста 7 января 1929 г. органами ОГПУ группы членов кооперативной хлебо-булочной артели «Муравейник» (в основном бывших левых эсеров), выяснилось, что среди них под именем П.И. Комарова скрывался высланный с Дальнего Востока и сбежавший по дороге к месту ссылки анархо-синдикалист А.Г. Рыбкин⁵². Побег совершили Андреев и Гандлевская в 1933 г.: из ссылки в Саратове в Москву и из ссылки в Астрахани в Осетию, в Кедабек⁵³.

С 1934 г. ОГПУ фактически стремилось ликвидировать не столько подпольные группы анархистов, которых уже фактически не существовало, сколько просто бывших анархистов как лиц, потенциально опасных для режима. Единственной реально существовавшей в то время в Москве группой анархистов можно признать анархо-мистический кружок студенческой молодежи (В.В. Налимов, И.И. Шаревский, Ю.Н. Проферансов, И.А. Тарле, И.С. Брешков и др.), действовавший с 1930 г. и близкий к А.О. Солонович и М.А. Назарову. Деятельность этого кружка сводилась к чтению литературных и философских произведений, обсуждению в дружеском кругу проблем философии анархизма и эзотерики, а также к участию в сборе средств в помощь арестованному А.А. Солоновичу⁵⁴.

Большинство политических процессов того времени носило фальсифицированный характер⁵⁵. Это относится и к «делам анархистов». Наиболее известно среди них дело «Анархистского центра» (1938–1939 гг.). Почти все мнимые участники этого «центра» (кроме Петросовой) давно уже не были анархистами. Роль лидера «подпольщиков» следствие отвело П.А. Аршинову. Находясь в эмиграции, примерно в 1930 г. он обратился к С. Орджоникидзе с просьбой помочь ему вернуться на родину⁵⁶. Необходимым условием такого возвращения могло быть только отречение от собственных политических взглядов. В 1931 г. Аршинов опубликовал 2 брошюры и ряд статей, призывавших анархистов встать на защиту СССР, установить связи с советскими посольствами, и в едином фронте с компартиями бороться за установление диктатуры пролетариата в странах Европы и Америки⁵⁷. Исследователь А. Скирда, утверждает, что Аршинов вернулся в СССР для ведения подпольной работы исылается при этом на слова его близкого друга Н. Чорбаджиева, болгарского анархиста-эмигранта. «Прежде чем Аршинов вернулся в СССР в 1933 году, – пишет Скирда, – Никола Чорбаджиев поставил ему вопрос: “Ты стал большевиком?”. Аршинов ему ответил: “Ты считаешь, что я способен на это?”, и объяснил ему свое возвращение отсутствием перспектив активной борьбы во Франции и в Европе, тогда как в СССР он был готов даже поступить в Коммунистическую партию, чтобы продолжать работать для анархизма»⁵⁸. Но слова Чорбаджиева так, как их излагает Скирда, отнюдь не указывают на стремление Аршинова

работать в подполье. Их вполне можно трактовать и как свидетельство его перехода на позиции «советского анархизма» («анархо-большевизма»), адепты которого признавали установившийся в Советской России строй «государственного социализма» не только прогрессивным по сравнению с капиталистической системой, но и закономерной стадией общественного развития на пути к анархии. Для «советских анархистов», таких как И.С. Гроссман, Г.Б. Сандомирский, Е.З. Ярчук, Я.И. Кирилловский (Новомирский), было вполне приемлемым вступление в компартию, что вовсе не мешало им продолжать называть себя анархистами. Как правило, они призывали своих товарищей защищать Советское государство и работать на Коминтерн. При этом «советские анархисты» искренне полагали, что, участвуя в строительстве «социализма» вместе с большевиками, они приближают анархическое общество, которое возникнет в далеком будущем⁵⁹. Основные идеи этого направления и были воспроизведены Аршиновым в его работах 1931 г. Сам же он в своей идейной эволюции продвинулся еще дальше. Вернувшись в СССР, в анкете для вступающих во «Всесоюзное общество политкаторжан», заполненной 31 января 1935 г., он указал, что после отречения от анархизма (в особом обращении к ЦК ВКП(б) от 4 января 1932 г.), в течение 3 лет вел за границей работу «в духе и направлении Коминтерна»⁶⁰. В 1935 г. Аршинов, вероятно стремясь заслужить доверие со стороны советского руководства, был готов, по рекомендации Е.М. Ярославского, даже поработать в лагерной системе на строительстве канала «Москва–Волга». Однако получил отказ⁶¹.

Сомнительными анархистами были и некоторые другие фигуранты процесса «Анархистского центра». Так, заявление Е.З. Ярчука об отречении от анархизма в 1927 г. было опубликовано на страницах «Правды»⁶². Вернувшись после отречения от анархизма на родину, он был принят в ВКП(б) по рекомендации Н.И. Бухарина и пытался при содействии ОГПУ созвать в 1929 г. съезд анархистов СССР для самоликвидации всего движения, что, однако, не увенчалось успехом. Не воспринимали его как «своего» и московские анархисты⁶³. Упомянутые в показаниях на процессе как члены «Анархистского центра» С. Дыбец и А. Аникст также порвали с анархизмом и вступили в РКП(б) еще в 1919 г. К 1938 г. оба обвиняемых в подпольной анархистской деятельности занимали высокие посты в государстве: Дыбец был начальником Главного управления автотракторной промышленности НКТП СССР, Аникст – заместителем председателя Госплана РСФСР. Давший показания на ряд обвиняемых по данному делу Е. Рубинчик-Меер еще в 1927 г. сделал заявление в газете «Правда» о разрыве с анархистским движением⁶⁴. Показателен и сам факт отказа Аршинова и Ярчука от своих показаний на следствии. Ярчук при этом заявил, что его били и не давали спать 10 дней подряд⁶⁵. Обвинявшаяся по тому же делу Петросова тоже не признала себя виновной⁶⁶.

Таким образом, история анархистского движения в СССР показывает, что определенная конечно, очень незначительная часть общественности, генетически связанная с эпохой революции и Гражданской войны, оказывала посильное и вполне осознанное сопротивление режиму вплоть до наступления и даже в условиях «Большого террора».

Примечания

¹ *Быковский С.М., Леонтьев Я.В.* Из истории последних страниц анархо-движения в СССР: дело А. Барона и С. Рувинского (1934 г.) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005. С. 151–171; *Дубовик А.В.* Анархическое подполье в Украине в 1920–1930-х гг. Контуры истории (<http://socialist.memo.ru/books/html/dubovik3.html>); *Разумов А.* Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда. 1999. № 9; *Яруцкий Л.Д.* Махно и махновцы. Мариуполь, 1995.

² ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002; д. П-30827; д. П-36465; д. П-63539.

³ РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, д. 378, 763; ф. 2175, оп. 5, д. 80. См. также: Архив Московского историко-литературного общества «Возвращение» (далее – Архив МИЛО «Возвращение»), Ф. Андреев А.Н. Папки 1–5.

⁴ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 4–8. М., 2001–2008; Орден российских тамплиеров. Т. 1–3. М., 2003; *Налимов В.В.* Канатоходец. Воспоминания. М., 1994. С. 374–450.

⁵ *Быковский С.М., Леонтьев Я.В.* Указ. соч.; *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 2000; *Дамье В.В.* Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1–2. М., 2007–2008.

⁶ Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 22, 34, 62.

⁷ РГАЛИ, ф. 1023, оп. № 1, д. 873, л. 71–72 об.

⁸ *Леонтьев Я.В.* В.Н. Фигнер – председатель Кропоткинского комитета // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992. С. 77.

⁹ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 250.

¹⁰ См., например: ГА РФ, ф. 10035, д. П-30827, л. 21 об., 24–26.

¹¹ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 32.

¹² *Никитин А.Л.* Указ. соч. С. 64–66.

¹³ Орден российских тамплиеров. Т. 1. С. 76, 79, 82, 85, 87–88.

¹⁴ Так, в феврале 1926 г. 1 анархист был избран в Крестьянский комитет общественной взаимопомощи (ККОВ) Озерской вол. Серпуховского уезда Московской губ. («Совершенно секретно»). Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 164).

¹⁵ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 163; д. П-30827, л. 21 об.–22 об., 38–39, 44–46, 51; д. П-63539, л. 18.

¹⁶ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 5. С. 579.

¹⁷ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 12 об., 31–33, 151, 160–165; д. П-36465, л. 3; д. П-63539, л. 16–16 об., 18–18 об., 20, 31; Архив МИЛО «Возвращение», ф. Андреев А.Н. д. 2. Тетрадь № 2, л. 14–15; *Должанская Л.А.* «Я был и остался анархистом». Судьба Франческо Гецци (по материалам следственного дела) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005. С. 243–244.

¹⁸ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 1. С. 190.

¹⁹ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 114.

²⁰ Там же. С. 188; Ч. 2. С. 828, 933.

²¹ Там же. Т. 5, С. 155–156.

²² Там же. С. 379.

²³ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 12–12 об., 158–61, 164–165; д. П-63539, л. 18–18 об., 20, 31.

²⁴ Орден российских тамплиеров. Т. 1. С. 102–103.

²⁵ Там же. С. 65–66.

²⁶ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 629–630, 642, 665–666; Ч. 2. С. 810, 828, 912–913, 933, 955–956.

²⁷ Там же. Т. 5. С. 261.

²⁸ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-63539, л. 21.

²⁹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 23.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 90.

³¹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 20, 31–32, 33–34, 39, 162; *Должанская Л.А.* Указ. соч. С. 242–244.

³² *Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (коллективное исследование).* Париж, 1928.

³³ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-63539, л. 31.

³⁴ Там же, л. 25; Орден российских тамплиеров. Т. 1. С. 91, 103, 109, 117, 119.

³⁵ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 162, 165.

³⁶ Там же, л. 157; Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 20.

³⁷ «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 4. Ч. 1. С. 488.

³⁸ Там же. С. 549.

³⁹ Так, только за январь 1931 г. через «Помполит» 45 политзаключенных анархистов получили посылки (*Горчева А.Ю.* Пресса ГУЛАГа. Списки Е.П. Пешковой. М., 2009. С. 209).

⁴⁰ Так, например, отбывавший срок заключения в Суздальском политизоляторе Н.И. Варшавский, получил в 1928 г. из Франции через организацию Пешковой 2 денежных перевода на сумму 15–20 руб. каждый (ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-30827, л. 29). В августе 1935 г. Жак Дубинский, один из организаторов помощи репрессированным анархистам СССР, переслал из Парижа Пешковой денежные переводы для адресной помощи заключенным анархистам: по 100 фр.

А.А. Кардао, А.Н. Андрееву и Г.К. Аскаркову (Якобсону), по 50 фр. А. Волченкову, Н.Я. Футерфасу и В.С. Худолею (ГА РФ, ф. Р-8409, оп. 1, д. 1371, л. 23). В ноябре 1935 г. он же перевел 450 фр., которые следовало равными частями (по 50 фр.) разослать следующим заключенным анархистам: А. Волейко, Е. Колоневич, А. Таратуте, Аскаркову (Якобсону), Андрееву, Худолею, Н.Я. Футерфасу, П.А. Фисуну (Там же, л. 25, 25 об.). В июне 1935 г. по 100 фр. было переведено для Волейко, Ткачука, Е. Конахевич, Фисуна, Худолея (Там же, л. 26).

⁴¹ Так, в фонде А.А. Борового в РГАЛИ сохранилась новогодняя поздравительная открытка 1930 г., отправленная из Парижа на место его ссылки Жаком Дубинским и подписанная несколькими десятками анархистов.

⁴² ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 160–161, 164.

⁴³ См., например: *Дамье В.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 664, 672–674, 699, 732–733; Т. 2. С. 232, 266–267, 276–277, 288–289.

⁴⁴ Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 19 – 21, 234; *Налимов В.В.* Указ. соч. С. 393.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 161.

⁴⁶ Там же, д. П-63539, л. 21 об.

⁴⁷ Там же, д. П-27002, л. 151.

⁴⁸ Архив МИЛО «Возвращение», ф. Андреев А.Н., д. 2. Тетрадь № 1, л. 20–24; К автобиографии Андрея Андреева, л. 8–9.

⁴⁹ *Дамье В.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 732, 267; Т. 2. С. 267; *Должанская Л.А.* Указ. соч. С. 245–246.

⁵⁰ *Быковский С.М., Леонтьев Я.В.* Указ. соч. С. 166–171.

⁵¹ Архив МИЛО «Возвращение», ф. Андреев А.Н., д. 2. К автобиографии Андрея Андреева, л. 9, 26; Тетрадь № 1, л. 24–5; РГАЛИ, ф. 2175, оп. 5, д. 80, л. 106–107.

⁵² *Леонтьев Я.В.* Лезовсеровская артель «Муравейник» и ее председатель С.Ф. Рыбин // История России: власть, политика, управление. М., 2010. С. 127–128.

⁵³ *Антонов-Овсеенко А.* Враги народа. М., 1996. С. 263; Архив МИЛО «Возвращение», ф. Андреев А.Н., д. 2. Тетрадь № 1, л. 16–17, 19–24; К автобиографии Андрея Андреева, л. 8–9; РГАЛИ, ф. 2175, оп. 5, д. 80, л. 106.

⁵⁴ *Налимов В.В.* Указ. соч. С. 381–382, 384–385, 387, 389–391, 393; Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 231, 236, 266, 269–270, 272.

⁵⁵ См., например, представленное в документальном издании А.Л. Никитина дело «Всероссийского альянса» (Орден российских тамплиеров. Т. 2. С. 231–237).

⁵⁶ *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. / Перевод с франц. изд. 1987 г. Париж, 2002. С. 166.

⁵⁷ *Аршинов П.А.* Анархизм и диктатура пролетариата. Париж, 1931; *он же.* Крах анархизма // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1935. 30 июня. № 132 (2705). С. 4; ГА РФ, ф. 533, оп. 2, д. 124, л. 5.

⁵⁸ *Скирда А.* Указ. соч. С. 167.

⁵⁹ *Шубин А.В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2006. С. 375–378; *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 г.). М., 1974. С. 394–395.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 533, оп. 2, д. 124, л. 2.

⁶¹ Там же, л. 4. Жизнь и деятельность П.А. Аршинова еще ожидают детального изучения. Так, при расследовании обстоятельств дела Ф. Геци при его реабилитации по архивной справке Центрального государственного особого архива на основе данных картотеки французской полиции и контрразведки, хранившейся в СССР среди трофейных архивов Великой Отечественной войны, была представлена следующая информация: «Кроме того, французской контрразведкой заведена карточка (когда не указана) на Аршинова (без имени), французского агента. Карточка заведена не ранее 1930 г. и не позднее ноября 1942 г.» (ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 131 об.). Безусловно, данная информация требует дополнительной проверки, поскольку из нее факт сотрудничества с французской контрразведкой Аршинова, жившего в то время во Франции и находившегося с 1929 г. под угрозой высылки с постоянно продлеваемым полицией правом на временное проживание, автоматически еще не следует.

⁶² Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917–1935 гг. М., 1999. С. 496–497.

⁶³ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-63539, л. 60.

⁶⁴ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 2. С. 496.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-27002, л. 167.

⁶⁶ Там же, д. П-36465, л. 3.